

## УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 341.4

Э. П. МЕЛЬНИК,

*старший преподаватель*

*Казанский юридический институт МВД России, г. Казань, Россия*

### МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, А ТАКЖЕ ПОСЯГАЮЩИХ НА БЕЗОПАСНОСТЬ ПОЛЕТОВ АВИАЦИИ И МОРСКОГО СУДОХОДСТВА

**Цель:** обосновать идею о том, что основы дифференциации производства по делам о преступлениях террористической направленности, а также посягающих на безопасность полетов авиации и морского судоходства в уголовном процессе России заложены в международных правовых актах, ратифицированных Российской Федерацией.

**Методы:** методологическую основу исследования составляет диалектический подход. В работе использовались также частно-научные методы исследования данной проблемы: системно-структурный, формально-логический и др.

**Результаты:** на основе анализа международно-правовых актов, ратифицированных Российской Федерацией сделан вывод о том, что этими документами могут устанавливаться специальные (особые) процессуальные правила производства по отдельным категориям преступлений. Кроме того, особые процессуальные правила производства по отдельным категориям уголовных дел должны применяться только по четко ограниченному кругу составов преступлений, указанных в соответствующих статьях УПК РФ.

**Научная новизна:** в статье обращается внимание на необходимость уточнения процессуального порядка производства по делам террористической направленности, а также по делам о преступлениях, посягающих на безопасность полетов авиации и морского судоходства в развитие положений международно-правовых документов, ратифицированных Российской Федерацией.

**Практическая значимость:** Положения и выводы статьи могут быть использованы в законотворческом процессе, а также в научной и педагогической деятельности.

**Ключевые слова:** дифференциация; уголовно-процессуальные производства; уголовные дела о преступлениях террористической направленности; уголовный процесс; преступление; террористическая деятельность; Международная конвенция о борьбе с захватом заложников; Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства; Уголовный кодекс Российской Федерации.

#### Введение

Дифференциация форм производства по различным категориям преступлений не является чем-то новым как для отечественного, так и для зарубежного уголовного процесса. В настоящее время отчетливо прослеживается тенденция появления процессуальных правил производств по делам террористической направленности, которые отличаются от общего порядка и зависят от квалификации совершенного преступления (ч. 2 ст. 100, ч. 7 ст. 241, ч. 6.1 ст. 241 Уголовно-процессуаль-

ного кодекса России (далее – УПК))<sup>1</sup>. Помимо специальных правил производства по уголовным делам террористической направленности, предусмотренных в УПК, в международных правовых актах также имеются ряд положений, которые следует применять правоохранительным органам.

<sup>1</sup> Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 174-ФЗ от 18 декабря 2001 г. URL: <http://www.consultant.ru/popular/upkrf/> (дата обращения: 10.11.2014)

В настоящем исследовании мы попытаемся обосновать тезис, что некоторые международно-правовые документы предусматривают процессуальные правила производства по уголовным делам о преступлениях террористической направленности, а также посягающих на безопасность полетов авиации и морского судоходства.

### Результаты исследования

Следует обратить внимание, что в каждом в международном правовом акте определяется круг незаконных действий, на которые распространяют свое действие эти акты.

В соответствии со ст. 5 Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (Монреаль, 23 сентября 1971 г.)<sup>2</sup> (далее – Конвенция), каждое государство, ратифицировавшее конвенцию определяет свою юрисдикцию над такого рода преступлением в следующих случаях: 1) когда преступление совершено на территории данного государства; 2) когда преступление совершено на борту или в отношении воздушного судна, зарегистрированного в данном государстве; 3) когда воздушное судно, на борту которого совершено преступление, совершает посадку на его территории, и предполагаемый преступник еще находится на борту; 4) когда преступление совершено на борту или в отношении воздушного судна, сданного в аренду без экипажа арендатору, когда постоянное местопребывание арендатора находится в этом государстве или арендатор не имеет постоянного места деятельности в этом государстве.

Этими положениями уточняются правила действия уголовно-процессуального закона в пространстве по вопросам безопасности гражданской авиации, а также правила подсудности по делам террористической направленности. Пункты первый и второй ст. 5 указанной выше Конвенции не вызывают вопросов, поскольку положения этих пунктов дублируются в ст. 2 УПК РФ. Однако в случаях, когда воздушное судно, на борту которого совершено преступление, совершает посадку на территории государства, ратифицировавшего Конвенцию, и предполагаемый преступник еще

находится на борту, то оно подпадает под юрисдикцию этого государства. Это противоречит правилам действия уголовно-процессуального закона в пространстве многих зарубежных государств (например, ч. 2 ст. 3 УПК Республики Беларусь, ч. 1 ст. 3 УПК Республики Казахстан и др.), поскольку преступления, совершенные на воздушном, морском или речном судне, находящемся за пределами территории страны приписки судна автоматически подпадают под юрисдикцию государства, к которому оно было приписано. Территория воздушного судна, находящегося за пределами территории Российской Федерации под флагом Российской Федерации, если указанное судно приписано к порту Российской Федерации, считается территорией Российской Федерации. В данном случае действуют правила, предусмотренные ч. 1 ст. 2 УПК РФ, позволяющие применять положения международного договора, который ратифицировала Российская Федерация. Несмотря на то, что правила действия уголовно-процессуального закона уточняются положениями Конвенции, однако внесения изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство не требуется, поскольку подобные случаи следует рассматривать как случаи исключения, которые предусмотрены ч. 1 ст. 2 УПК РФ и заключены в формулировке: «если международным договором Российской Федерации не установлено иное». Четвертый пункт ст. 5 Конвенции также следует рассматривать в качестве исключительного случая, а преступления, совершенные на борту арендованного судна подпадают под юрисдикцию того государства, в котором осуществляет свою деятельность арендатор. Это означает, что и в этом случае действуют нормы указанной выше Конвенции.

В исследуемых нами международных правовых актах можно обнаружить специальные правила применительно к действию уголовного и уголовно-процессуального закона по кругу лиц. Так, в п. «d» ч. 2 ст. 7 Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма (Нью-Йорк, 9 декабря 1999 г.)<sup>3</sup> указывается, что юрисдикция государства в отношении преступлений террористической направленности распространяется на лиц без гражданства, ко-

<sup>2</sup> URL: [http://www.un.org/ru/documents/decl\\_conv/conventions/aviation\\_security.shtml](http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aviation_security.shtml) (дата обращения: 10.11.2014)

<sup>3</sup> URL: <http://base.garant.ru/2541135/> (дата обращения: 10.11.2014)

торые обычно проживают на территории этого государства. Подобное положение содержится и в ст. 5 Международной конвенции о борьбе с захватом заложников. Формулировка «обычно проживают», используемая в Конвенции является недостаточно четкой, а основания применения положений Конвенции можно считать формальными. Это обстоятельство затрудняет возможности по применению этих положений в практической деятельности правоохранительных органов. Однако им придется доказывать факт постоянного проживания на территории нашего государства лица без гражданства, в противном случае это государство не сможет установить свою юрисдикцию над этим преступлением.

Недостаточно четким и противоречивым по содержанию представляется п. «д» ч. 1 ст. 5 Международной конвенции о борьбе с захватом заложников (17 декабря 1979 г.), по смыслу которого юрисдикция государства определяется, если преступление совершено в отношении заложника, который является гражданином соответствующего государства, если данное государство считает это целесообразным. Подобное же правило установлено и в п. «б» ч. 2 ст. 6 Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства (Рим, 10 марта 1988 г.)<sup>4</sup>, с учетом принадлежности потерпевшего к гражданину государства, который был захвачен, подвергался угрозам, был ранен или убит.

Проблема в том, что в УПК РФ не разрешен вопрос о действии уголовно-процессуального закона применительно к гражданству потерпевших. Данный вопрос является новым для отечественной уголовно-процессуальной науки. Из содержания Конвенции следует, что, если потерпевший является гражданином определенного государства, то государство распространяет свою юрисдикцию на преступление. Противоречивой эта ситуация выглядит, поскольку указанные положения Конвенции игнорируют правила действия уголовно-процессуального закона в пространстве, установленные международно-правовыми актами и национальным законодательством стран-участниц международного договора.

И еще более запутанным выглядит ситуация, если в захваченном самолете находятся заложники из различных стран-участниц международного договора. По нашему мнению, в указанной ситуации первичными должны являться правила действия уголовно-процессуального закона в пространстве. Только одно государство должно нести всю ответственность за предпринимаемые действия и результаты этих действий по указанному кругу преступлений.

Важными, по нашему мнению, являются положения п. «в» ч. 2 ст. 6 Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, в соответствии с которыми юрисдикция государства распространяется на преступление, если оно совершено в попытке вынудить данное государство совершить какое-либо действие или воздержаться от него. Из положений этой Конвенции вытекает вывод о том, что правоохранительные органы государства вправе начать процессуальное производство по тем уголовным делам, которые хотя и совершены на территории одного государства, но действия преступников были направлены на изменение линии поведения другого государства. В данном случае также не применяются общие правила действия уголовно-процессуального закона в пространстве. В ч. 1 ст. 2 УПК устанавливается, что производство по уголовному делу на территории Российской Федерации независимо от места совершения преступления ведется в соответствии с настоящим Кодексом, если международным договором Российской Федерации не установлено иное. Данное правило международно-правового акта создает излишнюю напряженность в момент определения юрисдикции над преступлением, а также создает возможности для разрешения указанной ситуации по праву «сильного». По нашему мнению, государству, которое желает распространить юрисдикцию над такими преступлениями по подобным правилам следует согласовать свое желание с государством, которое распространяет на него свою юрисдикцию по правилу действия уголовно-процессуального закона в пространстве.

### Выводы

Из сказанного выше можно сделать вывод, что международные договоры Российской Федерации могут устанавливать иные процессуальные правила действия уголовно-процессуального закона

<sup>4</sup> URL: <http://base.garant.ru/10500005/> (дата обращения: 10.11.2014)

в пространстве, по кругу лиц применительно к отдельным категориям уголовных дел, в том числе по уголовным делам террористической направленности. Эти положения Конвенций являются исключениями из положений, предусмотренных ст. 2 УПК РФ, являющихся обязательными для всех компетентных на то должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу.

По нашему мнению, при определении юрисдикции того или иного государства над преступлениями, круг которых определен международными правовыми актами, этим государствам прежде всего, следует руководствоваться правилами действия уголовно-процессуального закона в пространстве. Данное правило не должно подменяться правилами, касающимися гражданства потерпевших, выдвигаемых преступниками требований и т. д.

Внесение изменений в УПК РФ относительно недопустимости подмены правил действия уголовно-процессуального закона в пространстве другими правилами не будет иметь практической значимости, поскольку в ч. 1 ст. 2 УПК имеется указание на большую юридическую силу международных правовых актов по сравнению с положениями УПК РФ. Мы можем лишь дать рекомендации должностным лицам и органам, которые правомочны начать производство по указанным преступлениям, быть настойчивыми при определении юрисдикции своего государства и руководствоваться общепринятыми правилами действия уголовно-процессуального закона в пространстве.

Согласно ч. 4 ст. 6 Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации определены правила уведомления государства в том случае, когда государство, согласно настоящей статье, заключает лицо под стражу, оно немедленно уведомляет государства, которые в соответствии с указанными выше правилами определили юрисдикцию над совершенным преступлением, а также государство гражданства задержанного лица и, если оно сочтет это целесообразным, любые другие заинтересованные государства о факте нахождения такого лица под стражей и об обстоятельствах, послуживших основанием для его задержания. Государство, которое производит предварительное расследование, незамедлительно сообщает о полученных им данных вышеупомянутым государствам и указывает, намерено ли оно осуществить юрисдикцию. Указанные положения Конвенции обязывают сле-

дователя уведомлять дипломатических работников о необходимости передачи указанной информации по дипломатическим каналам и иным каналам своим коллегам в другом государстве, как только будет установлено, что преступление подпадает под юрисдикцию другого государства.

В ст. 13 Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации указывается, что государство в соответствии со своим национальным законодательством сообщает Совету Международной организации гражданской авиации так скоро, как это возможно, любую имеющуюся у него соответствующую информацию относительно: обстоятельств преступления, действий о содействии пассажирам и экипажу судна в продолжении их следования и возвращению воздушного судна и его груза законным владельцам, а также мер, принятых в отношении преступника или предполагаемого преступника.

Подобные правила предусмотрены и в ст. 11 Конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (Гаага, 16 декабря 1970 г.)<sup>5</sup>.

А как быть в ситуации, когда следователь имеющуюся у него информацию расценивает в качестве тайны следствия, не подлежащей огласке. Не нарушают ли эти положения Конвенции правила недопустимости разглашения данных предварительного следствия? Международный договор и его договор, если он ратифицирован в установленном порядке в Российской Федерации, принадлежит к правовым актам большой юридической силы, чем УПК РФ.

В этой связи возникает вопрос, а что понимать под обстоятельствами преступления, и на каком этапе уполномоченное на то должностное лицо вправе передавать о нем указанную информацию?

Передача информации о преступлении после вынесения обвинительного приговора и вступления его в законную силу учеными-процессуалистами не должна оспариваться. А правоохранительным органам в ходе предварительного расследования целесообразно передавать в международную организацию по дипломатическим либо иным каналам, лишь ту информацию и в том объеме, которая не может повлиять на

<sup>5</sup> URL: [http://online.zakon.kz/Document/?doc\\_id=1007581](http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1007581) (дата обращения: 10.11.2014)



итоги расследования по делу. Идея о получении позитивного результата в ходе предварительного расследования является приоритетнее необходимости передачи информации по уголовному делу соответствующей международной организации. Правила о передаче информации по уголовному делу имеют процессуальную сущность, а это означает, что Конвенцией предусмотрены дополнительные процессуальные правила при производстве по уголовным делам, связанным с безопасностью полетов авиации.

Некоторые процессуальные правила производства по уголовным делам о преступлениях, связанных с безопасностью морского судоходства, предусматриваются в Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства. Так, капитан судна одного государства может передать компетентным органам любого другого государства любое лицо, в отношении которого у него имеются разумные основания считать, что оно совершило одно из преступлений, указанных в ст. 3 указанной Конвенции. Капитан судна, на борту которого находится любое лицо, которое он намерен передать, передает его, когда это практически возможно осуществить и по возможности до входа судна в территориальное море принимающего государства. Капитан судна уведомляет компетентные органы принимающего государства о своем намерении передать такое лицо и о причинах передачи. Кроме того, капитан судна обязан предоставлять компетентным органам принимающего государства, имеющиеся в распоряжении его доказательства, которые относятся к предполагаемому преступлению. В Конвенции от 10 марта 1988 г. предусматриваются и иные правила процессуального характера. Это свидетельствует о том, что международным нормативным правовым актом могут устанавливаться специальные (особые) правила производства по отдельным категориям преступлений. А это означает, что в названной Конвенции закладываются основы для особого вида производства по указанной категории дел.

В нашей статье рассмотрены лишь некоторые процессуальные правила, содержащиеся в международно-правовых актах, ратифицированных Российской Федерацией. Значительное число таких особых процессуальных правил производства по уголовным делам, вытекающих из международно-правовых актов ждут своего исследования и

освещения [1]. Однако уже при наличии имеющихся знаний по данной проблематике, можно рекомендовать предусмотреть в российском уголовно-процессуальном законодательстве особый порядок производства по делам террористической направленности, а также о преступлениях, посягающих на безопасность полетов авиации и морского судоходства.

В случае реализации наших предложений в российском уголовно-процессуальном законе будет уточнен процессуальный порядок производства по делам террористической направленности, а также по делам о преступлениях, посягающих на безопасность полетов авиации и морского судоходства. Эти правила будут действовать в системе с положениями ч. 2 ст. 100, ч. 7 ст. 241, ч. 6.1 ст. 241 УПК РФ.

В литературе уже обращалось внимание на необходимость введения дифференцированной формы уголовного преследования лиц, совершивших преступления террористического характера [2, 3]. В развитие этой идеи мы обращаем внимание не только на необходимость введения в УПК особых правил производства по уголовным делам террористической направленности, а также о преступлениях, посягающих на безопасность полетов авиации и морского судоходства, но и в УПК РФ предусмотреть конкретные подпункты, пункты, части, статьи Особенной части УК РФ, по которым ведется это особое производство. Список составов таких преступлений не следует расширять. Особые процессуальные правила производства по отдельным категориям уголовных дел должны применяться только по четко ограниченному кругу составов преступлений, указанных в соответствующих статьях УПК РФ.

#### Список литературы

1. Хайдаров А.А., Мельник Э.П. Международно-правовые основы дифференциации процессуальных форм по уголовным делам: к постановке проблемы // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 1. С. 91–93.
2. Курдюкова А.В. Особенности уголовного судопроизводства по делам о террористическом акте: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 22 с.
3. Макаров Л.В. О дифференциации формы уголовного судопроизводства по делам о преступлениях террористического характера: полемические заметки // Военно-юридический вестник Приволжского региона: сб. науч. трудов. Самара: Изд-во Самар. гуманитар. акад., 2004. № 2. С. 201–206.

*В редакцию материал поступил 02.10.14*

© Мельник Э.П., 2014

#### Информация об авторе

**Мельник Эдуард Петрович**, старший преподаватель кафедры уголовного процесса, Казанский юридический институт МВД России

Адрес: 420108, г. Казань, ул. Магистральная, 35, тел.: (843) 278-72-71

E-mail: eduard-melnik@mail.ru

**Как цитировать статью:** Мельник Э.П. Международно-правовые основы дифференциации производства по делам о преступлениях террористической направленности, а также посягающих на безопасность полетов авиации и морского судоходства // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4 (32). С. 267–272.

**E. P. MEL'NIK,**

*Senior Lecturer*

*Kazan Juridical Institute of the Russian Ministry of Domestic Affairs, Kazan, Russia*

#### INTERNATIONAL-LEGAL BASES OF DIFFERENTIATION IN CASES OF TERRORIST CRIMES, AS WELL AS INFRINGING THE SAFETY OF AVIATION FLIGHTS AND SEA NAVIGATION

**Objective:** to substantiate the idea that the bases of differentiation in cases of terrorist crimes, as well as infringing the safety of aviation and sea navigation in the Russian criminal procedure are embedded in international legal acts ratified by the Russian Federation.

**Methods:** the methodological basis of the research is dialectic approach. Also specific scientific methods were used: systemic-structural, formal-logic, etc.

**Results:** Basing on the analysis of international legal acts ratified by the Russian Federation, it was concluded that these documents may establish special procedural rules of proceedings for certain categories of crimes. In addition, special procedural rules of proceedings for certain categories of criminal cases should be applied only for a limited group of crimes, stated in corresponding articles of the Russian Criminal Code.

**Scientific novelty:** The article draws attention to the need for clarification of the procedural order in terrorist cases, as well as in cases of offences against the safety of aviation and shipping, which would develop the provisions of international legal documents ratified by the Russian Federation.

**Practical value:** The provisions and conclusions of the article can be used in the legislative process, as well as in scientific and pedagogical activity.

**Key words:** differentiation; criminal procedural process; criminal cases of terrorist crimes; criminal procedure; crime; terrorist activities; international Convention against hostages taking; Convention for the struggle against unlawful acts infringing the safety of sea navigation; Criminal Code of the Russian Federation.

#### References

1. Khaidarov, A.A., Mel'nik, E.P. Mezhdunarodno-pravovye osnovy differentsiatsii protsessual'nykh form po ugovnym delam: k postanovke problemy (International-legal bases of differentiation of procedural forms in criminal cases: on the problem identification). *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2014, no. 1, pp. 91–93.

2. Kurdyukova, A.V. *Osobennosti ugovnogo sudoproizvodstva po delam o terroristicheskoy akte: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* (Features of criminal court procedures in terrorist cases: abstract of a PhD (Law) thesis). Ekaterinburg, 2009, 22 p.

3. Makarov, L.V. O differentsiatsii formy ugovnogo sudoproizvodstva po delam o prestupleniyakh terroristicheskogo kharaktera: polemicheskie zametki (On differentiation of the forms of criminal court procedures in terrorist cases: polemic notes). *Voенно-yuridicheskii vestnik Privolzhskogo regiona: sb. nauch. trudov*. Samara: Izd-vo Samar. gumanit. akad, 2004, no. 2, pp. 201–206.

*Received 02.10.14*

#### Information about the author

**Mel'nik Eduard Petrovich**, Senior Lecturer of the Chair of Criminal Procedure, Kazan Juridical Institute of the Russian Ministry of Domestic Affairs

Address: 35 Magistral'naya Str., 420108, Kazan, tel.: (843) 278-72-71

E-mail: eduard-melnik@mail.ru

**How to cite the article:** Mel'nik E.P. International-legal bases of differentiation in cases of terrorist crimes, as well as infringing the safety of aviation flights and sea navigation. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 4 (32), pp. 267–272.

© Mel'nik E. P., 2014